

Диалектика политики и морали в процессе обновления поколений

Ирисметов Б.М. – к.ф.н., доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Государственного института искусств и
культуры Узбекистана

Резюме: Ушбу мақолада муаллиф сиёсат, ахлоқ қонунияти ва ривожланиши ҳамда жамиятдаги янгиланиш жараёнларини таҳлил этган.

Мораль – изобретение столь же древне, сколь древним является и само общество. Она – суть человеческой социальности (именно человеческой, поскольку социальность как таковая, если придерживаться точно смысла этого термина-смысла “общественного” образа жизни,-присуща многим биологическим видам), механизм воспроизведения человека не просто как социального, но и духовного существа. Логично, возникает вопрос, что означает тезис о моральной сути духовности (человеческой духовности) в современных условиях? О чем, весьма убедительно высказался первый президент Узбекистана И.А.Каримов по поводу духовного обновления общества. “Мы все, должны чётко осознавать, что от духовного возрождения народа, сохранения традиций, развития культуры и искусства зависит положение дел в других сферах, зависит насколько результативными будут проводимые реформы”¹. “Этническая, культурная и религиозная терпимость нашего народа - ещё один неиссякаемый источник духовного возрождения”². Человек как биологический вид *homo sapiens* имел свою предысторию, имеет он и свою историю. Был ли этот переход от предыстории к истории главным, постепенным переходом от животного состояния к человеческому, когда обе стороны указанного рубежа существовали «полуживотные-полулюди», произошёл ли он и скачкообразно, когда упомянутый рубеж разделил безусловно животных и безусловно людей, должны ли мы, наконец, вообще отказаться от эволюционистских представлений в отношении человека-для нашей цели не столь уж важно, хотя все эти версии существуют и обсуждаются специалистами как в Узбекистане, так и за его пределами.

1. И.А.Каримов. Узбекистан на пороге XXI века. Т.1997.,С.317

2. Там же.

Гораздо важнее другое: как бы ни появился на земле человек, появление это ознаменовалось тем, что жизнедеятельность человеческого индивида оказалась возможной только в сообществе его с себе подобными. Сообществе, отношения в котором были, разумеется, направлены и на биологическое выживание всякого индивида - необходимое условие вообще какой бы то ни было жизнедеятельности».

Однако такая направленность с «самого начала» не исчерпывала всего содержания этих социальных отношений, ибо в противном случае целостная природа человека ничем бы фундаментально не отличалась от природы «социальных» животных. По сколько же фундаментальное это различие мы все-таки признаем, то должны признать и иную, чем у животных, доминанту человеческих отношений - не биологическую выживаемость, а духовность.

Важно, что термин «духовность» лишен в данном случае какого бы то ни было прагматического подтекста, возводящего её в ранг некоего целеполагающего действия, действия «ради чего-то» - речь здесь идет лишь о как таковом свойстве разумности, которое предположительно отсутствует у животных и состоит собственно в том, чтобы «духовность» должна быть присуща только мыслящим субъектам.

И коль скоро духовность - природное для человека качество непрагматического (неутилитарного) отношения к действительности - уникально его характеризует в ряду представителей всех биологических видов, то она и должна составлять то глубинное, корневое содержание человеческой жизнедеятельности, исключив которое человек попросту не выполнит своего природного назначения, его жизнедеятельность утратит высший свой смысл. Иными словами, человек призван строить отношения с природой и с себе подобными на базе духовности, т.е. непрагматично (неутилитарно), и его способность как разумного существа просто «духовность» должна не только блокировать радикальные, экстремистские и агрессивные устремления, направленные на природу, на других людей или институты органов власти. Что в результате воспитывает понимание неприкосновенности, ценности любого «чужого» бытия, будь то неорганический мир, растения, либо жизни животных или людей. Таковы объективные, заложенные в самой человеческой натуре предпосылки морали-отношений людей друг другу и общества к природе. воспроизводящих свои объекты не как средство, а как цель. В сфере морали, таким образом, морали как должного, попадает любой объект, к которому

человек относится, т.е. сфера морали, духовного - это в идеале вся сфера человеческой жизнедеятельности.

Но это - в идеале. А что же в реальной жизни? Есть ли разрыв между моралью как должным и моралью как сущим? Реальная, эмпирическая история человечества такова, что с «самого начала» оно, внутренне разобщенное географически и каждым этим своим «фрагментом» погруженное в полную опасностей природную среду, вырабатывало, естественно мораль, которая направлена прежде всего на сохранение компактных самостоятельных человеческих сообществ. Неважно, какие исторические трансформации претерпели в дальнейшем эти сообщества, назывались ли они племенами, народностями, государствами, нациями - все время сохранялась тенденция отчуждения, недоверия одного людского сообщества к любому иному и каждого из них к природе, тенденция блюсти интересы «своего» сообщества, пренебрегая интересами «чужих» сообществ и «опасной» природы. Наглядных примеров тому, и сегодня предостаточно.

Разумеется, тенденция эта проявлялась в разных исторических формах (дикой, варварской, цивилизованной), но суть её оставалась неизменной - сужение сферы «реальной» морали. В свое время, вне морали ставились люди «чужого» сообщества, которые превращались в рабов при захвате их в плен во время войн между разными сообществами, вне морали оказалась и продолжает оставаться и природная фауна, поскольку охота помогла человеческим сообществам выжить, а человек в своем отношении к природе в целом, отличается утилитарным (бездуховным) отношением к ней.

О том, к чему привело изъятие природы из сферы морали, лучше всего свидетельствует достигнутый ныне масштаб экологических проблем, от решения которых зависит само существование человечества. С другой стороны, повсеместное осознание сегодня надвигающейся экологической катастрофы - знак того, что и на природу начинает распространяться мораль.

В частности, показательно возникшее и популярное сегодня на Западе движение, в защиту «прав животных» или признание дельфинов властями Индии, как мыслящих существ. Одним из активистов и теоретиков развития такого движения, выступает американский философ Б.Роллин. Он настаивает, в контексте отрицания в современной психологической науке бихевиористского подхода к ментальным явлениям в пользу когнитивистского, на наличие у животных такой эмоциональной сферы, какой обладает человек, и тем самым исходит из необходимости и на них распространять моральные обязательства, что, например, повлекло бы за собой запрет на интенсивное использование их в сельском хозяйстве, в качестве подопытных особей и т.п.

Впрочем, Б.Роллин, совершенно правильно призывая к расширению сферы «реальной» морали (правда, за счет животных), в обоснование этого своего требования в буквальном смысле «очеловечивает» объект морального воздействия, просто приписывает животному в качестве мотивирующего его поведения, фактор человеческое «внутреннее состояние». Тем самым, он заведомо ограничивает моральную сферу все-таки только отношениями между людьми, усматривая возможность её расширения лишь за счет вовлечения в нее объектов, на которые правомерен, по его мнению перенос человеческого образа (вот почему только животные, а допустим, не растения и т.д.). Однако дело здесь вовсе не в объекте морали-в противном случае вне морали оказались бы, скажем, психически неполноценные люди, т.е. те, чья сфера не отвечает человеческой норме.

В этой связи, необходимо вспомнить, к каким выводам пришел Ч.Дарвин, пытаясь применить представление об естественном отборе к социальной эволюции. «Весьма сомнительно, писал он, - чтобы потомки людей благожелательных и самоотверженных, или особенно преданных своим товарищам, были многочисленны потомков себялюбивых и склонных к предательству членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью чем выдать товарищей... часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную природу. Наиболее храбрые люди, идущие всегда на войне в первых рядах и добровольно рискующие жизнью для других, в среднем гибнут в большем числе, чем другие. Поэтому едва ли окажется вероятным... чтобы число людей, одаренных такими благородными качествами, или уровень их развития мог возрасти путем естественного отбора, т.е. в результате выживания наиболее приспособленных»¹.

При этом, не следует забывать, что хотя высокий уровень нравственности дает каждому человеку в отдельности и его детям лишь весьма небольшое преимущество над другими членами того же народа, племени или государства, а порой и не приносит им никакой выгоды, тем не менее общее повышение этого уровня и увеличение числа даровитых людей приводит к повышению качества человеческого капитала в целом. Эти обстоятельства несомненно влияют на число членов общества отличающихся высокоразвитым чувством патриотизма, верности, законопослушания и способностью жертвовать собой для общей пользы.

1. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Соч.-М.-Л.1953.-Т.У.-С.243